

Эта зима была слишком мягкой и теплой для нашего региона. Снег выпал лишь раз, в самом начале декабря, да и тот вскоре растаял без следа. С того времени и до начала февраля стояла пусть и невысокая, но плюсовая температура, и заморозки были очень редки, даже в темное время суток. Но сейчас, в феврале, погода словно решила отыграться, а зима выдать все, что собиралась изначально. И практически за одни сутки на наш бедный город выпала месячная норма осадков в виде мокрого снега. Сначала он таял, потом стал накапливаться на тротуарах и газонах, а после покрыл тяжелым, толстым слоем все вокруг. Затем резко похолодало, и снег, что не успели убрать с улиц, намертво вмерз в землю, асфальт и тротуары, красивыми, но тяжелыми шапками повис на ветках деревьев. Бодрый морозец держался несколько дней, и за это время крупные снегопады обрушивались на город два раза подряд, покрывая толстым пушистым слоем скользкую бугристую массу изо льда и снега, лежащую вокруг.

Разумеется, еще во время первого снегопада коммунальщики заявили, что были не готовы к снежной буре. И к такому количеству сломанных веток и поваленных деревьев — тоже. И что в подобных условиях просто невозможно очистить весь мегаполис от заносов. А городские власти объявили штормовое предупреждение. И в связи с перебоями в движении городского транспорта предложили отправить на незапланированные каникулы учеников школ и колледжей.

Если бы я сейчас была рядом с тетей Милой, она обязательно заявила бы, что в ее молодости погода постоянно выкидывала такие коленца, если не похлеще. И что на ее памяти был случай, когда дождь, начавшись с вечера, постепенно перешел в град, замерзая буквально в считанные часы. И что почти весь городской транспорт встал, чуть ли не на ходу. И троллейбусы примерзали к проводам, что должны питать их током, а трамваи вмерзали в лед, в который превратилась вода, что собралась в колеях. Водители были вынуждены покинуть транспорт прямо на улицах. А граждане, которые следующим утром вышли на работу, добирались пешком или на редких автобусах, что выехали на линию. И наблюдали, как рабочие при помощи ломиков пытаются освободить трамваи из ледяного плена. Но тем не менее штормового предупреждения никто не объявлял. И внеплано-

вых каникул не устраивал. И дети не оставались дома, а наоборот, стремясь к знаниям, шли в школу пешком по гололедице. А чтобы не падать и не скользить на льду, надевали большие плотные носки или чулки, прямо поверх сапог.

Я бы на это с обязательной усмешкой заявила, что сия мера временная и неэффективная. Поскольку метод работает, но лишь до той поры, пока ткань не напитается влагой, не промерзнет на морозе и не станет скользить так же, как и подошва неудобных советских ботинок.

«Впрочем, хватит думать об этих пустяках, — мысленно одернула я себя, — и расслабляться тоже хватит, пора двигаться, чтобы не замерзнуть и не попасть впросак».

Я осторожно огляделась и, не заметив ничего особо настораживающего, отлепилась от стены, огораживающей мусорные контейнеры, подхватила пластиковый пакет, полный пустых банок и бутылок, и в быстром темпе двинула к пункту приема стеклотары.

— Погодка нынче — просто жуть, — женщина в теплом платке, в тулупе и бурках с блестящими калошами, работающая на приемке, была не прочь поболтать, вероятно, сегодня со всем не было наряду.

Она топала ногами на бетонном полу, и периодически хлопала себя по бокам, и чуть ли не подпрыгивала на месте в попытке согреться.

— Не то слово, — согласилась я, открывать рот и говорить не слишком хотелось. Казалось, что вместе со словами организм покинет и последнее тепло.

— Такой снег, дикий холод, ночью, говорят, вообще за девятнадцать градусов мороз стукнет. И народ сегодня совсем не идет. А хозяин — гад, не разрешает закрыться пораньше. Вот скажи, ему что эти копейки какую-то погоду сделают?! А?! — Она досадливо махнула рукой, отсчитала и протянула мне деньги.

— Спасибо, — я торопливо сунула их в карман куртки.

И так же торопливо спрятала кисть руки без перчатки в рукаве.

— Куртейка-то на тебе плохонькая, — констатировала женщина, внимательно меня разглядывая, — не по погоде она.

— Это ничего. — Я попыталась улыбнуться, но потрескавшиеся губы упорно не желали растягиваться в улыбке.

— Да, ничего, — согласилась женщина, — и погода, по сути, ерунда, если не находиться на улице весь день и всю ночь, если у человека имеется теплый дом. Тебе ночевать-то есть где?

— Да, конечно.

Вот все-таки сердобольный народ у нас в Тарасове. Женщина сама вынуждена проводить все дни в холодном неотапливаемом помещении с бетонным полом и железными воротами,

которые гостеприимно распахнуты, когда пункт приема работает. А вот, смотри-ка, пожалела незнакомую девушку в плохой курточке, заботливо поинтересовалась, есть ли у нее место, где можно переждать непогоду. Уверена, что, если бы мне пришло в голову попросить у нее помощи, женщина обязательно предложила бы какие-то вполне приемлемые варианты.

Но я не могу себе позволить вмешивать в создавшуюся ситуацию посторонних. Как и не могу полагаться на предложения, поступающие от случайных знакомых. По многим причинам это может быть небезопасно как для них, так и для меня.

Все эти мысли молнией пронеслись в моей голове.

Я кивком попрощалась с женщиной и, сжимаясь от холода, направилась к ближайшему магазинчику.

Жалко, что у меня недостаточно денег для длительного шопинга, вероятней всего, толком даже согреться не успею.

А женщина права в одном: нынче ночевать на улице не стоит, небезопасно по многим соображениям, включая погодные условия. И мне обязательно нужно будет что-нибудь придумать.

Наверное, вы сейчас решили, что я обычный российский бомж, и ошиблись. Меня зовут Евгения Охотникова. Я молодая, не побоюсь этого слова, красивая женщина, со стройной

фигурой, приятными чертами лица, яркими зелеными глазами и скверным характером. По крайней мере, на последнем пункте частенько настаивает любимая тетушка. Кроме того, у меня развитый интеллект, отточенные навыки боевика и очень интересная работа. А тружусь я вот уж много лет частным телохранителем и сейчас, некоторым образом, нахожусь на службе, вернее, на задании.

Или все-таки бомж?

На улице уже совершенно стемнело, и, стоя в очереди к кассе, я заметила собственное отражение в витрине магазина.

Видавшие лучшие дни кроссовки, темные джинсы, куртка не первой свежести и явно с чужого плеча. На голове капюшон от толстовки, из-под него выбиваются темные, давно не мытые волосы, заплетенные в нетугую косу, которая сейчас выглядела не слишком опрятно.

Я поймала на себе неодобрительный взгляд продавщицы. Хорошо еще, что из магазина не «попросили».

Расплатилась, сгребла с ленты свои нехитрые покупки, рассовала все по карманам и торопливо вышла на улицу.

Я приняла решение немедленно искать место для ночлега. Но прежде чем выбрать безопасный, относительно нехолодный и необитаемый подвал или чердак, нужно убедиться, что сейчас за мной никто не следит. Не хочу

этой ночью проснуться с ножом у горла или, открыв глаза, первым делом увидеть дуло пистолета, направленное в мое лицо.

Тем временем, размышляя и постоянно проверяясь, я вышла к улицам, застроенным частными домами. Как правило, это были небольшие старые домики с колонкой во дворе, печным отоплением, маленьким захламленным двориком, окруженным старым, неопрятным забором из давно не крашенных досок серого цвета.

Слушая скрип снега под своими ногами, я шла вдоль строений. Здесь из каждой трубы поднимался в небо столбик пахучего белого дыма, в домах топили дровами и углем. Здорово, это как раз то, что мне сейчас нужно больше всего.

После недолгих поисков я обнаружила настоящий клад: двор с коровником и без будки, что означало отсутствие собаки, а значит, обеспечивало мне тихое и незаметное проникновение. И наличие крупного рогатого скота в настоящем или в прошлом. А где наши запасливые люди хранят сено в условиях ограниченного пространства, когда нет возможности выложить небольшой стожок?

Правильно, на чердаке. А замок там, скорее всего, будет плевый, так что проникнуть внутрь для меня не составит никакого труда.

После того как созрел и оформился этот простой план, я осторожно проникла на чужую

территорию, немного осмотрелась, убрала свои следы. При помощи двух шпилек вскрыла навесной замок, что висел на двери, и влезла на чердак.

Здесь пришлось ориентироваться практически на ощупь. Но к моему глубокому облегчению, почти все пространство чердака было выстлано толстым слоем мягкого и пахучего сена.

Мне осталось найти широкую вытяжную трубу печи, которая сейчас была достаточно теплой, почти горячей, и устроить себе мягкую постель из сена поблизости от нее.

Я наскоро перекусила плавленым сырком с булкой, заворочалась, устраиваясь поудобней, почувствовала, что постепенно согреваюсь. Теперь можно было немного подумать, выстроить план дальнейших действий, поспать или предаться воспоминаниям.

* * *

Эта работа нашла меня не просто так, мне ее, что называется, «сосватали». И не кто-нибудь, а давний приятель Сашка Мельниченко, с которым мы когда-то вместе учились в Ворошиловке, закрытом заведении полувоенного типа. И который нынче трудится в Следственном управлении одной из спецслужб. У них там неожиданно-негаданно появилась возможность задержать крупную преступную группировку, почти целиком, вместе с ее главарями. И не просто задержать, а провести

полноценное следствие, довести дело до суда и выиграть его по всем пунктам обвинения.

Разумеется, меня никто не стал посвящать в детали. Сашка смог сообщить лишь то, что необходимо знать именно мне для выполнения своей части задания.

Итак, подготовить и провести столь блестящую операцию стало возможно лишь благодаря появлению в деле ключевого свидетеля, вернее, свидетельницы.

Спецслужбы давно и безуспешно пытались подобраться к главарю этой группировки, но он всегда ускользал из расставленных ловушек. Или виртуозно выходил сухим из воды в случае задержания. И после рейда или расследования посадить обычно удавалось лишь редкую «мелкую рыбешку». А все потому, что на верхушку преступных боссов почти никогда не получалось раздобыть компромат. Вернее, сведения у спецслужб, разумеется, имелись, но скомканные и разрозненные, а вот веские улики, что сгодятся для суда, раздобыть не удавалось. Также против них не было свидетелей, а если такие смельчаки изредка и находились, как правило, до начала процесса они не доживали.

И поскольку эта свидетельница обладала неоценимыми знаниями и оказала огромную помощь следствию, ведь она буквально с нуля помогла сформировать дело против главаря и его ближайших помощников, носились с ней,

словно с сырым яйцом. И готовы были сделать буквально все, что может быть в силах спецслужб. А это очень немало, можете поверить мне на слово.

Но, судя по всему, в группировке узнали, благодаря кому они обрели серьезные проблемы. И разумеется, попытались подвести контрмину. То есть устранить ключевого свидетеля будущего процесса.

Ведь все понимали, что без этой женщины все дело просто развалится прямо в зале суда или даже раньше. Понимали это и сотрудники спецслужб, поэтому оберегали свидетельницу изо всех сил. Но тем не менее на женщину уже покушались дважды. Третьего раза дожидаться не стали и решили разработать операцию по охране. Потому что в данном случае обычные меры себя не оправдали.

Операция была многоэтапной и достаточно сложной. Более того, по задумке разработчика, ключевые исполнители у каждого этапа были разными и, разумеется, они были посвящены лишь только в детали своего этапа и лишь в той степени, что требовалась для выполнения задания.

Это было очень умно, ведь, во-первых, на контроле всего процесса оставался лишь сам куратор операции. А во-вторых, он был избавлен от разного рода утечек информации и мог рассчитывать на соблюдение конфиденциаль-

ности тех вопросов, что касались как личности охраняемого лица, так и всей операции в целом.

Поскольку я тружусь частным телохранителем и сейчас никак не связана со спецслужбами, а кроме того, прошла расширенную военную подготовку и обладаю отточенными навыками боевика, то есть владею любым холодным, огнестрельным оружием и разными приемами рукопашного боя, а также техниками слежения, маскировки и выживания в экстремальных условиях, я автоматически становилась идеальным кандидатом для выполнения этого задания.

Правда, на сей раз от меня не требовалось проводить расследований, находиться рядом с подозреваемой или прикрывать ее своим телом.

Мельниченко хотел, чтобы я сама сыграла роль свидетельницы, то есть полностью ее заменила, вызывая огонь на себя и тем самым отвлекая преступников от настоящей цели, путая их и сбивая со следа. И таким образом, периодически заменяя охраняемую женщину, то убегая, то появляясь в зоне видимости потенциальных убийц, запутывая следы, пароли и явки, мне нужно было провести две-три недели — все время финальной подготовки дела к процессу и дней, в течение которых будут идти закрытые заседания суда.

Задание это сложное, странное, почти самоубийственно опасное и неординарное. И благодаря последнему пункту достаточно заманчивое и интересное лично для меня.